

Annotation

Финальная книга трилогии "Лесная ведунья"

Лесная ведунья 3

Лесная ведунья 3

Звездная Елена

– Весь, ты чего злая такая? – спросил Водя.

Ему хорошо, он температуру крови своей под температуру воды подстраивать может, от того не мерзнет водяной даже в самой холодной воде в студеную зиму, и на дне не мерзнет, и вообще никогда. А вот у меня зуб на зуб не попадает, но признаваться в том нет никакого желания. И я молча продолжила волосы вспенивать, обильно шампунь русалочий на них вылив.

Скрылась под водой, шампунь выполаскивая, вынырнула. Руки дрожат, зубы стучат, а внутри злость такая, что ни передать, ни высказать.

– Тебе может воду подогреть? – спросил водяной.

– Рыб пожалей, – ответила, стараясь зубами стучать не слишком громко.

– Да отослал уж, и рыб, и раков, и русалов из самых наглых.

Крак, чего спим, куда не глядим?

Кракен встрепенулся тут же, на жертву в камышах залегшую кинулся, и красиво, ласточкой, на фоне луны полной, пролетел какой-то русал. Водяной сам то охальником был, подглядеть возможности никогда не упускал, но вот другим не позволял. А я не позволяла и Воде ничего, так что мылась в исподней рубашке, хоть и не самое это дело приятное.

– Ладно, грей воду, – сдалась я.

Но как только теплее стало, самой мне поплохело. Доплыла до валуна ближайшего, на нем устроилась, так чтобы по плечи в воде оставаться, колени руками обняла, сажу, на луну гляжу. Думаю.

Подумать было о чем.

Никакой информации в книгах я не нашла, только даром время потеряла. Что дальше делать примерно знала – поначалу как ведунья леса Гиблого полновластная, взращу-сплету ограждение, свою отчищенную территорию оберегая, а опосля в сон провалюсь, и вот тогда-то и начнется самый сложный бой. Справлюсь ли? Должна, так или иначе, но должна. И думать об этом сейчас тоже должна, ни на что

иное не отвлекаясь, а я... отвлекалась я. В холодной воде еще как-то было холодно, словно все мысли и чувства скованы, а в теплой я о теплых сильных руках вспомнила, о глазах, в которые смотришь и паришь, о губах, теплых, сухих, ласковых... Да о чувстве странном, словно в груди цветы распускаются... Ведь ощутила я это, всем сердцем ощутила, а разумом ведаю – быть такого не может.

Один раз в год сады цветут, один раз в жизни весна у ведьмы бывает. Одна весна, всего одна, другой быть не может. Не может ведь быть, никак не может, а только... что-то не так с сердцем моим. Бьется оно чаще, стоит подумать об Агнехране, и хорошо мне с человеком этим так, как никогда и ни с кем не бывало. Я себя с ним как дома чувствую, словно родной он мне, будто совсем близкий. От чего так? По теплу человеческого истосковалась? Или быть может опору ищу, в этой беспокойной буре чудовищных открытий и перемен? Что со мной?

– Весь, о чем думаешь? – Водя ближе подплыл, руками о камень оперся, придвинулся близехонько, в глаза взгляделся с тревогою.

– О камне, – ответила, усмехнувшись невесело. – Знаешь, на уроках у Славастены, учили нас думать как камень.

– Это как? – Водяной еще ближе придвинулся, грудью широкой к коленям моим прижался.

Поглядела на него выразительно, но с места не сдвинулся, все так же близко оставался.

– Это как камень, Водя, холодный, бесчувственный, безучастный камень. У камня нет эмоций и нет сожалений, камень полностью подвластен судьбе и коли падет на чью-то голову, никто же камень не обвинит – он орудие в руках судьбы, и не важно, скатился ли с горы камнепадом, или брошен по злему умыслу, он просто камень. Только камень. Всего лишь камень. Нужно как-нибудь научиться думать, как камень.

Водяной опустил взгляд, на валун посмотрел мрачно, опосля на меня, мне и сказал:

– Но ты не камень, Веся.

– А жаль, – тихо ответила ему.

Он улыбнулся грустно в ответ, руку протянул, лица моего коснулся, прядь волос мокрых со щеки отвел, в глаза мои вновь взглянул и произнес:

– Справимся мы, Веся, со всем справимся. Да так, чтобы и

жалеть ни об чем не пришлось. Так чтобы не осталось ни горестей, ни сожалений, ни печали. Нам ведь не впервой, Весенька.

Нам не в первой, это он точно подметил.

– На берег тебя отнести? – спросил Водя.

Я кивнула, что мне еще оставалось.

Водяной на руки подхватил, заводь переплыл быстро, меня берег, знал что мне холодно в рубашке мокрой, а вот едва к земле подплыл, протянулась из темноты рука черная, за запястье меня ухватила, рывком у Води отняла. Я и вскрикнуть не успела, а уж окутало плечи мои полотенце теплое, а следом засиял и круг алхимический.

В баньке было жарко неестественно. А может мне так с холодной воды почудилось, но жарко было. А еще в баньке аспид был. Стоял он у двери тенью мрачною, руки на груди сложены, в глазах змеиных ярость нечеловеческая, а от самого него словно мрак расплзается. И глядит исподлобья, да так, что мурашки по коже. Или замерзла просто вконец.

– Ну что ж, – молвила, оглядываясь в поисках снега лютого, но от него здесь и следа не осталось, – то что к избе принес, за то спасибо, удружил. За то, что баньку затопил, тоже благодарствую. Только вот, господин Аедан, уж коли меня без спросу от Заводи перенесли, то будьте любезны, вернуться туда же, за платьем моим и туфельками.

И недобрый взгляд аспида, окончательно недобрый стал.

– Что-нибудь еще, госпожа моя? – спросил издевательски.
Смутить думал? Напрасно.

– Да, – ответила с вызовом, – одна деталь малехонькая – я-то госпожа, но не твоя!

Медленно глаза змеиные сузились, да ярость в них полыхала такая, что невольню подумалось мне, что и банька сейчас запылывает.

– Вот не смей! – разъяренно потребовала. – Мне эту баньку человек хороший построил, и это, быть может, вообще единственное, что мне от него останется. Так что не смей!

И аспид вдруг успокоился. Уж не знаю от чего – от требования моего, али от того, что леший позади него стоял, но успокоился. И взгляд изменился, и поза, и... и молвил вдруг Аедан:

– Единственное, что от него останется? От чего так?

окну отвернула, сама к шкафу да и переодеваться быстрее, пока совсем не продрогла. И только рубашку сменила на сухую, раздалось из блюда:

– Веся, луна, конечно, красивая, но ты лучше.

Улыбнулась невольно, платье надела, и пуговики застегивая к столу поспешила. Только села, да блюдо к себе развернула, смотрю – а охранябушка мой тоже только купался, видать. Волосы влажные, рубашку на ходу застегивает, прямо как я. Только странно застегивал

– левый рукав был натянут и манжет наглухо застегнут, а воротник поправлял еще, и правый рукав не расправил даже.

– Вечер добрый, Весенька, – улыбнулся мне маг.

И зацвела я, как роза майская. И ведь знаю я, что не быть нам вместе, скорее как два берега реки, только смотреть друг на друга и можем, а все равно вот увидела его и сердцу так радостно.

– И тебе, – ответила вежливо. – Мылся ты смотрю, от чего позже не позвал?

– Ааа, это... – Агнехран волосы поправил по-мужски, всей пятерней, и словно только сейчас вспомнил, что мокрые. – Не запланировано вышло, прости.

Было бы еще что прощать.

– Спасибо, что время для меня нашел, – поблагодарила я.

Улыбнулся маг, да голову склонил. Только выглядело это не то чтобы учтиво, почему-то показалось, что он улыбку свою скрыть пытается. От чего же?

– Случилось что? – встревожилась я.

– Нет, что ты, – и охранябушка в глаза мне посмотрел, – все хорошо. Ты как?

Вопрос врасплох застал.

Ну да я пока гребень взяла, пока волосы расчесывать начала, и с ответом нашлась.

– Хорошо я.

– И где же это твое хорошо?! – вдруг как-то гневно спросил Агнехран. – Под глазами тени черные, не спала видать опять вовсе. А в глазах страх вижу. Чего боишься?

Так я и сказала.

Споро гребнем волосы расчесала, на спину откинула, пусть сохнут, приманила к себе лист бумажный, да перо гусиное с чернильницей. В чернила обмакнула, и вежливо обратилась к магу со словами:

– А не составит ли труда, для уважаемого мага, поведать мне заклинание упокоения нежити?

А Агнехрана что-то где-то свалилось, а само он замер, пристально на меня глядя. Я на него гляжу невозмутимо невинным взглядом. И тут оказалось, что свалилось там у него не «что-то», а «кто-то», и не просто кто-то, а Данир. Маг молодой с трудом поднялся и неуверенно начал:

– Лорд Агнехран, а куда пла...
Не договорил.

Смело его волной магической, опосля и дверь в кабинет архимага с грохотом захлопнулась, а сам Агнехран ко мне подался и спросил недобро:

– А для чего это тебе, Весенька?

Подалась я к нему, в глаза синие вглядываясь и прошептала:

– А за надом.

И он ближе подался, да тоже прошептал:

– А за каким надом?

– За большим, – выдохнула в ответ.

Архимаг судорожно вздохнул, сел ровно, на меня глядит мрачно, губы сжаты, глаза темнеют. Красиивый. Опять без сурьмы вокруг глаз, без крема магического, волосы влажные не зачесаны, в низкий хвост не собраны, как у магов полагается, и от того такой красивый он, и родной, и... о чем, ты, Веся, думаешь, голова твоя бедовая!

И села я тоже ровно, на лист бумаги перед собой гляжу, а оттудова на меня клякса внушительная глядит весело... и когда только успела я кляксу поставить?!

– Весенька, – тихо маг позвал, – как объяснить тебе, что магия не самая безопасная вещь на свете этом?

Усмехнулась я невесело, да и напомнила:

– Маг, ты с ведьмой говоришь.

Опосля слов этих только взгляд на него подняла. Сидел охранябушка – плечи и спина ровные, выправка-то у него военная, а

вот по взгляду видно, что словно ссутулился. И на меня смотрит, а в глазах боль да тревога.

– Что ты задумала? – прямо спросил.
Вздыхнула, да и лукавить не стала:

– Ответ кроется в вопросе, Агнехран.

Улыбнулся, головой отрицательно покачал, да и сказал:

– Не думал никогда, что мое имя может звучать так...

Отвернулся, в окно у себя поглядел несколько секунд томительных, опосля снова в глаза мне взглянул, и произнес:

– Ты ведьма, Веся, ты пробудить нежить можешь, именно пробудить – но не упокоить. Нет у тебя силы такой, нет могильного холода, нет стальной решимости да ледяной беспощадности. Нет их у тебя, не на чем заклинание строить.

Помолчала и я, задумавшись, на бумагу перед собой поглядела, на кляксу вторую уже по счету, да вновь на мага взглянув, ответила:

– Вообще-то есть.

– Могильный холод? – догадался Агнехран.
Кивнула.

– Это ты так решила, потому что поутру чуть нежитью не стала?

– поинтересовался иронично.

– Не только поутру, – возразила я. – И весь день я в себе этот холод ощущаю, а близ Гиблого яра и вовсе растет это ощущение. От того, смогу я...

– Нет, – пресек слова мои архимаг.

Вздыхнул тяжело, головой покачал отрицательно, с меня взгляда не сводя, и пояснил:

– Четыре составляющих нужны, Веся. Четыре. Как четыре столба, что крышу держат, как четыре стены у гроба, как четыре стихии. А у тебя всего одна составляющая, одна из четырех.

И пока молчала я растерянно, продолжил:

– Ты силу над нежитью утратишь уже к утру, слишком много жизни в тебе, слишком много света – твоя магия скверну уже сейчас на корню давит, к рассвету от могильного холода в душе твоей ничего не останется. Но нежить могу упокоить я.

И сказал он это так уверенно, что я бы даже поверила, если бы не

знала, чего стоит магам упокоение нежити. Но я знала.

– Контуры магические чертить устанешь, даже если до сотой доли нежити Гиблого яра доберешься, – заметила, с улыбкою.

И Агнехран помрачнел.

– Тиромиру язык бы следовало вырвать, – произнес в сердцах.

Я улыбнулась шире. Он на меня засмотрелся. Я на него. И вот смотрю, просто ведь смотрю, а чувство такое, словно взлетаю птицею, над облаками, да к самым звездам...

Тут открылась со скрипом дверь в избу, домовый вошел, дверь плечом придерживая, да и сообщил:

– Ужин твой, хозяйшка. Весь день же маковой росинки во рту не держала, поесть надобно. А не то, аспид мне...

На этом домовый до стола дошел, да в блюдце Агнехрана-мага увидал.

Тут же голову склонил приветственно, вежливо склонил голову в ответ архимаг. Да говорить не стали. Споро домовый мой избу покинул, а охранябушка вид сделал, словно вообще ничего не произошло. А затем снова на меня посмотрел, вздохнул, да и сказал:

– Поешь, пожалуйста. А я пока посмотрю, что сделать можно, с силою твоею. Только уговор, Веся, я нужное заклинание ищу, а ты ешь. И в одеяло завернись, дрожишь вся. И все с подноса чтобы съела. Я поглядела на поднос. Не поскупился домовый – и ветчина копченая, и сыр заморский, и окорока свиного часть внушительная, и грибов всяческих, по счастью не поганок, жаренных понапринес, и...

– Охранябушка, я же столько не съем! – призналась честно. Маг с сомнением посмотрел на поднос, на меня, и сдался:

– Половину.

Я посмотрела на поднос, на него...

– Половину без вон того маленького кусочка, – не сдавался Агнехран.

Тут дверь открылась, домовый вернулся с краюхой хлеба, да крынкой сметаны. Все передо мной поставил, поклонился магу, да и вышел тихохонько.

– А ты ужинал? – спросила у архимага, скрывшегося за стеллажом с книгами.

– Потом поем, – кратко ответил он.

Мне от ответа его, почему-то и кусок в горло не лез.

– Не буду сама есть, – слова сами вырвались.

– От чего же это? Всегда сама ела, тебе ж со мной неуютно было по первости, а теперь что?

– А теперь неуютно без тебя, – тихо призналась я.
А он услышал.

Вернулся с книгами, целую стопку насобирал, сел, на меня посмотрел, улыбнулся, руку протянул, к блюдцу серебряному прикасаясь, от чего словно рябь по серебру пошла, и сказал:

– Я буду вот те жаренные поганки, домовой у тебя их лучше всех готовит.

– Это не поганки! – возмутилась я. – Грибы лесные, и...

– Поганки, – заверил меня Агнехран. – Давай хлеб сюда, порежу.

Я подскочила, засуетилась, тарелки нашла, вилки, нож почти нашла.

– В другом шкафу. Левее, ниже, чуть дальше, – попутно направляя охранябушка. – Давай так хлеб, у меня нож есть и не один. И ближе.

– Нашла! – раздался мой торжествующий возглас. – Держи пока пространственное окно. Я сейчас. Я быстро.

– Держу, – и так он это сказал, что улыбка и в голосе слышалась.

Я даже замерла на миг. Обернулась, улыбнулась, и поспешила быстрее, потому как не так это уж и просто, окно пространственное держать. На это вообще только одни архимаги и способны. От того, что спешила, с хлебом и не успела, передала его Агнехрану, вместе с ножом ржавым. Не ведаю, куда мой делся, так что то что нашла, то и дала. Маг сделал вид, что нож отличный, да хлеб порезал другим, аккуратно от ржавого избавившись. Я тем временем на тарелку ему все красиво уложила, со всеми грибами вообще, раз он их так любит, через блюдце передала. Агнехран мне пол хлеба вернул, невозмутимо вилку взял, и тарелку с ужином, после чего поднялся, сходил за вином с бокалами. Остановился перед столом, на меня посмотрел, на бутылку вина. Развернулся, ушел, вернулся с другой.

– Это без хмеля почти, – пояснил он, бутылку открывая, да

разливая рубиновый напиток по бокалам. – Немного тебе налью, много не стоит.

Бокал я принимала осторожно, был он из горного хрусталя, а хрусталь он пространственные перемещения обычно искажает, но Агнехран контролировал все своей силой, от того бокал лишь ярче засверкал, перемещаясь ко мне, а вот после мы сели, маг бокал поднял, и сказал:

– За тебя, моя ведьмочка неугомонная.

И, кажется, стала я краснее, чем вино в бокале. И отпила глоточек всего, прав был Агнехран, сегодня пить не стоило, но для вкуса самое то было, опосля вина красного и мясо вкуснее казалось, и хлеб, и даже свет горящей свечи будто ярче стал. Но когда маг, занятый и ужином и книгами, взгляд на меня поднимал, мне казалось что меркнет огонь свечи, и все вокруг меркнет.

– Ты магический язык хорошо знаешь? – спросил Агнехран, найдя что-то явно заинтересовавшее его в большой черной книге.

От книги веяло злом. Застарелым, выдержанным, как превосходное вино, тяжелым злом. Я бы не прикоснулась к такой книге, слишком опасно было, а охранябушка держал ее рукой твердой, и вовсе не страшился.

– Знаю, – кивнула я, еще глоток вина делая.

– Хорошо, – кратко ответил он.

Зло черной книги протянуло щупальца к левой руке мага, той, что он книгу держал, черными лианами потянулось вверх, добралось до запястья и вдруг отпрянуло, словно с артефактом невероятно сильным столкнулось. Я невольно коснулась своего запястья на левой руке, поправила браслет обручальный, и уж хотела было сказать Агнехрану про книгу, как он взгляд мой заметил, улыбнулся успокаивающе, и сказал:

– Не тревожься за меня, мне эта книга ничего не сделает. Как и ее хозяйка.

– А кто ее хозяйка? – уцепилась я за ниточку.

– Велимира, – кратко ответил маг.

Взгляд на меня поднял, и спросил с усмешкою:

– Спасать ее не кинешься?

Улыбнулась я грустно, да отвечать не стала. То что я с магом сговариваюсь, зная что ведьма у него, и не простая, а одна из главных, это предательство. Всей моей сущности предательство. «Ведьмы

завсегда должны держаться вместе» – главное правило всех ведьм.

Наша суть в единстве, как и у нечисти. И кто б сказал мне, что с магом встану рядом против ведьмы – никогда бы не поверила. Да и с кем сговорила-то? С самим Хранящим Огонь. С архимагом Агнехраном. Агнехран – сильнейший маг всего континента, тот перед кем голову склоняют даже короли. Агнехран, огнем и мечом прошедший по жизням, странам, ведьмам.

– Весенька, от чего побледнела ты? – спросил он встревожено.

И вот смотрю на него, вглядываюсь отчаянно, и не вижу. Ни злобы, ни жестокости, ни крови невинной я на нем не вижу. Как же так? На книгу смотрю и вижу, а на нем нет.

– Дай угадаю, – произнес архимаг с улыбкой, – о том, кто я есть вспомнила. И кто же я есть, Веся?

– Враг всех ведьм, – ответила, еще глоток вина сделав.

– Мм, – протянул он, – как звучит интересно.

Глянул на меня, снова над книгой склонился, и поинтересовался невзначай:

– А враг всех ведьм, это что конкретно означает?

– Что каждая ведьма о твоём появлении в поле зрения, должна мгновенно сообщать об этом своей наставнице, или же, если это вошедшая в совет ведьма, то членам координационной группы совета.

Агнехран голову поднял, на меня посмотрел с сомнением.

– Я, признаться, думал у вас несколько... более свободная организация, – произнес он.

– Смотри в каких вопросах, – ответила мрачно.

Забавно, но вот только сейчас подумала – врагов ведьминского сообщества ведьмы всегда держали под контролем, а свой собственный совет – нет. Вот как так? Как вышло что мы, злобу, ненависть, подлость если не видим, то точно чувствуем, а Велимиру не заметили?!

– Значит, сообщать о моем появлении и все? – уточнил Агнехран.

– И все, – подтвердила я. – Ты слишком опасен, чтобы выступать против тебя в одиночку, или даже группой.

Маг усмехнулся и спросил:

– И много у ведьм таких... врагов?

Сделав еще крохотный глоток вина, я вспомнила лист с наложенным на него заклинанием неприкосновенности, и четыре

имени, стоящих над всеми остальными. Остальных я, если честно, не помнила. А вот четыре имени главных врагов наизусть знали все ученицы Славастены.

– Первым твое имя стоит, – сказала, глядя на бокал, но внутренне видя тот самый неизменно белоснежный лист бумаги. – Вторым архимаг Городнен.

– Мертв, – вдруг изменившимся голосом произнес Агнехран.
Я на него посмотрела, да и спросила:

– Кто убил?

– Никто... – совсем странно сказал охранябушка. – Я был уверен, что никто. Сердце не выдержало. Городнен стар был совсем, он умер в своем кабинете, сидя за столом.

Ну... умер так умер, жалко конечно, но со всеми бывает.

– Кто еще? – напряженно спросил маг.

Я на него посмотрела, а он на меня глядит так, что увилить не захотелось, правду сказала:

– Архимаг Дайтенс.

– Мертв, – тихо, почти беззвучно констатировал Агнехран. – Несчастный случай, упал с лошади, сломал шею, говорить не мог, от того... погиб. Нелепая, случайная смерть, похоже, была неслучайна. Дальше.

– Архимаг Шаон.

Тихий рык вырвался откуда-то из груди мага. Тихий, но такой жуткий.

– Мертв? – потрясенно спросила я.

– Да. Был пьян. Не рассчитал пространственное перемещение.

Агнехран вскочил, прошелся по своему кабинету, подошел к столу, залпом опустошил свой бокал, уперся руками в стол и теперь молчал, невидящим взглядом глядя в стол. И взгляд был точно не видящим, иначе заметил бы маг, как потянулись черные щупальца от черной книги, да потянулись уверенно, словно зверь кровь почуявший, и ладони коснулись, и вверх потянулись, и... отпрянули, до запястья добравшись.

– Амулет у тебя защитный на руке? Али артефакт? –
полюбопытствовала я.

– Ты мой артефакт. И амулет. И заговор от несчастья. И вся магия
мира – это ты для меня, – хрипло
ответил он.

Сел. Помолчал.

Сдавленно произнес:

– Прости.

– Да за что же? – молвила тихо. – Видно близки тебе были
маги эти, от того и тяжела боль
потери. Мне очень жаль, Агнехран.

– То дело прошлое, – сказал, усмехнулся, на меня посмотрел, и
добавил: – Видишь, уже слова твои перенимаю, да и к потерям
отношение.

Я улыбнулась грустно.

Агнехран же головой дернул, словно от мыслей тяжелых
избавлялся, и продолжил:

– Не о том речь сейчас, с тобой нужно решить, что делать будем.

Кивнула я, глаз с него не сводя. Потому что увидела вдруг – и
злость, и ярость бессильную, и гнев, и боль утраты. А значит, не
скрывал от меня Агнехран-маг ничего, и мое ведьминское зрение тоже
меня не подвело – не было в нем ни жестокости, ни чудовищности, по
совести действовал, по справедливости, а вину за собой ощущал лишь
за то, что не спас, не уберег, помочь не смог. Этим терзался. Только
этим. И сколько не смотрю, сколько не вглядываюсь, а вот злобы в
отношении ведьм не вижу. Не их винил в случившемся Агнехран – на
самого себя всю вину взял.

– Ты... не думай так, – сказала, все так же в мага вглядываясь,

– твоей вины в гибели их нет.

Поднял он взгляд на меня синий, темный, в глазах, словно буря
нарастает, и ответил тихо да уверенно:

– Есть. Моя вина есть. Недооценил я ведьм, именно я
недооценил, да мер вовремя не принял. И вот он итог, жизнь моя, все
посвященные мертвы, а мне повезло – на моем пути ты появилась, от
того и жив остался. Только вот ты за жизнь мою такой ценой
заплатила, что я себе этого никогда не прощу.

– Пустое, – улыбнулась я. – Волков жаль до слез, это да, а я

как лес – где просеку вырубил, там деревья вверх вскорости
поднимутся краше прежнего, так что не
тревожься обо мне, не стоит.

Ничего маг мне на это не ответил, но так посмотрел, что ясно
стало – покуда жив он, не будет у
меня больше ран, ни единой.

– Это ты сейчас так думаешь, – улыбнулась я, – а опосля...
привыкнешь.

И как удар плети, воспоминание из прошлого «Валкирин, ты
сможешь! Поторопись, Валкирин!»

– А ты что, мысли мои читаешь? – словно невзначай маг
поинтересовался, вновь за книгу черную берясь. И поползли по руке
его черные щупальца.

– Да нет, только эмоции вижу, коли яркие они, да недобрые, – я
бокал взяла, еще махонький глоток сделала.

И вздрогнула, едва взгляд Агнехрана на себе почувствовала.

На него поглядела вопросительно, а маг мне тихо, но столь
отчетливо, что у меня от этой отчетливости дрожь по телу прошла,
произнес:

– Я не Тиромир.

А не стала я тему развивать, вино отложила, да за ужин молча
принялась, сделав вид, что не вижу я взгляда напряженного, и вообще
не замечаю, и вконец голодная. А когда тарелка моя опустела почти,
спросила невзначай:

– Ну что, готово заклинание?

И протирая губы платком, глаза на Агнехрана подняла, да и
вздрогнула невольно – он все это время на меня смотрел. Смотрел
пристально. Так смотрел, словно взглядом прожигал, словно мысли
мои увидеть хотел, все до единой. И это я ужинала, а он за время это
ничего не съел, глаз с меня не сводя.

– Я не Тиромир! – повторил жестко и зло.

– Да не Тиромир конечно, – согласилась я покладисто, – и не
похож даже, и волосы темные, и браслета на тебе нет моего
обручального, так что точно не он.

Ожидала я, что хоть улыбнется на шутку мою, да только Агнехран
вдруг взгляд отвел быстро. С чего бы
это?

– Заклинание, – произнес он как-то сдавленно. – Ты его на

языке обычном произносить будешь, я правильно понял?

Правильно то правильно, а от чего на шутку мою отголоском вины отреагировал? Неужто аспид ему браслет мой отдал? Коли отдал, то напрасно, Агнехран с ним ничего поделывать не сможет, потому как коли не я его на запястье жениха застегнула, не имеет он силы никакой. Совсем никакой.

«Лешенька, – послала я мысль другу верному, – найди аспида, будь добр, про браслет у него узнай мой, обручальный. Коли он его

снял, да кому другому отдал, не будет у меня третьего варианта спасения, только на тебя с Водей уповать придется».

«Пошел искать, – мгновенно ответил леший».

Я же тарелку полупустую отложила, лист бумажный к себе придвинула, с тоской на кляксы посмотрела, перо гусиное вновь в чернила обмакнула, да и воззрилась в ожидании на Агнехрана. Тот вздохнул, посмотрел на книгу, оставляя левую руку на ней, к себе тарелку придвинул, да и начал, перемешивая поганки жаренные со сметаной, мне зачитывать:

– «In oceanum, sicut petra
Manere in aqua

In silentio et audire melodiam
Audi me lumen, et luna,

Ego tranquillitas, im ‘ non pugnatur».

Дочитал и на меня посмотрел, да и вопрос задал:

– Переведешь?

Посидела я, помолчала, подумала, да и начала осторожно писать, попутно читая вслух:

– Как камень в спокойной реке,
Я лежу в тихом омуте

Я слышу мелодию тишины
Я вдыхаю сияние луны,

Я спокоен, я больше не воин.

Дописала, посмотрела на мага. Агнехран удовлетворенно кивнул
и высказался:

– Не совсем дословно, но учитывая реальность, вполне подходит.

Однако заклинание предполагает океан.

– Я никогда не видела океан, а произнося заклинания лучше говорить о том, что ведаешь, – пожала плечами я. – Но, знаешь, вопрос у меня к тебе есть.

– Какой? – поинтересовался маг.

Подняла взгляд на него, да и спросила прямо:

– На кого заклинание это направлено?

Улыбнулся Агнехран, почти с восхищением улыбнулся, да и ответил:

– На тех, кто покоя ищет, Весенька.

Нахмурилась я, хотела уж было высказать, что таких мертвяков, что покоя ищут в Гиблом яру то немного, если вообще есть, мне бы тех, кто рвать да метать готов упокоить, они моя головная боль, они проблема моя, они...

– Все что у тебя есть сейчас – это могильный холод, Веся, – серьезно сказал Агнехран. – Только он. Как ни пытайся, как ни старайся, а всех упокоить ты не сумеешь, даже если себя отдашь без остатка. Да и времени у тебя, напомню, до рассвета только. Начни с малого, ведунья моя неугомонная, тогда хватит сил и на большее. Продолжим?

Я кивнула.

– Frigus, ventum, et

Corda vestra sunt, sicut lapis in mare
Ego addictos suffocatio in mea motus
Oceanum dixit omnia esse denique
Si vos ire ad somnum

Omnes inimicos et amicis dormientibus
Non scientes, lacrimis ego tenere

Nemo ergo solliciti esse, cum ego evanescent
Withering, withering, withering.

На этот раз было сложнее. Помолчав, я некоторое время обдумывала слова, для начала перевела дословно:

– Холод отдать ветру

Ваши сердца просто камень в океане
Безнадежно задыхаюсь от эмоций

Океан сказал, что все будет хорошо
Если вы погрузитесь в сон

Все враги и друзья спят

Не зная слез, которые я держу

Никого не будет заботить, когда я начну исчезать
Увядание, увядание, увядание.

Агнехран кивнул, полностью согласный с переводом, вот только
не была согласна я.

– Жестоко это, – высказалась в сердцах.

И не дожидаясь слов мага по данному поводу, начала менять на
ходу:

– Снег на земле так прекрасен,

Тихо шепчет о чем-то ясень,
Ветер легко уносит всю боль,
Спи, он заберет с собой.

А за сном последует свет,
Как за ночью идет рассвет.
Успокойся, глаза закрой,

Я держу тебя за руку, я с тобой.

Все мое заклинание Агнехран прослушал очень внимательно,
словно впитывал каждое слово, а едва я умолкла, требовательно
спросил:

– Полагаешь, это подействует?

– У меня – да, – ответила ему.

Дописала последнее слово, подняла взгляд на мага, тот на меня
глядит пристально.

– Не по нраву что? – спросила прямо.

– Да, – произнес Агнехран, – не по нраву. Слова «Я держу тебя
за руку, я с тобой» мне не по нраву, Веся. Я не ведаю, как у вас, ведьм
да ведуний это действует, но у нас, магов...

– Иначе, знаю, – прервала гневную речь его.

По строкам взглядом пробежалась, прикусив нервно кончик пера
зубами, прочла еще раз, и снова, и...

– Я нечисть, Агнехран-маг, – взгляд на него подняла. – Я –
нечисть. Я по краю иду между миром этим, и тем, что магией дышит.
Понимаешь ты это?

Едва ли понимал, на меня смотрел с яростью холодной, да непримиримо смотрел. Улыбнулась, не сдержавшись, к блюдцу серебрянному подалась, в синие глаза мага заглянула, и прошептала:

– Не бойсь, не погибну.

А он взял да и сказал:

– Боясь. Очень боюсь, Веся. До того боюсь, что вздохнуть тяжело. Измени слова последние, прошу тебя, не упрямясь.

Посидела я, перо гусиное разглядывая, да и так сказала:

– Иначе я не умею, прости, пожалуйста.

Смотрел на меня Агнехран-маг, да и молчал.

– Не случится со мной ничего, – поспешила успокоить, – леший прикроет, водяной на подхвате, а на случай-то крайний у аспида браслет обручальный мой, он подсобить сможет.

Если найдется аспид-то... но я об этом говорить не стала.

И тут распахнулась дверь в избу мою, шумно леший вошел, да трещал-скрипел от гнева невыразимого, и взгляд таков был, что мигом я руку протянула, блюдце серебряное вниз перевернула, связь разрывая, да на лешиньку воззрилась испуганно.

– Случилось что? – спросила встревожено.

Ничего не сказал друг верный, лишь подошел, ступая тяжело, гневно, да протянул мне клюку яра Гиблого. И дрогнула рука моя, сердце сжалось, а лешему сказала я:

– Сам расскажи, сделай дело доброе.

– Самому не рассказать, Веся, – произнес леший.

Помолчала я, то на клюку, то на друга верного глядя, а опосля смирилась со своей участью, руку протянула, да на клюке разместила... И пожалела о том в тот же миг!

Затянула, закружила в водовороте лет прошедших клюка-матушка, да и обрушила на меня видение страшное.

Как стоит на краю леса аспид, а в руке его клюка. Эта самая! Только не истлевшая, не прогнившая, цельная клюка еще, и клюку эту аспид бережно на траву быстро чернеющую опускает.

– Аспид! – произнес лешенька, на рев срываясь, – аспид, Веся!

Я только голос его и слышала, а сама на то, событие давнее во все глаза глядела – как чернеют кусты-деревья, как прахом черная трава осыпается, как смотрит с ненавистью на лес аспид, настоящий аспид, и глаза у него синие, такие синие, как небо летнее перед грозой, да только...

– Аспид, лешенька, аспид, – согласилась я. – А теперича ко мне ближе подойди.

Видеть его не видела, только слышала как на колено опустился, затрещала кора дубовая, и держа одной рукой клюку, вторую протянула, леший сам ладонь мою на щеке своей разместил, да сам со мной в видение и провалился. И смотрели оба мы на то, как чернеет земля, порчею страшною на лес распространяясь, как над рассыпающейся прахом травой туман темный клубится, как искажает-ломает деревья проклятие страшное, как покрывается земля трещинами...

– Аспид же! – прорычал лешенька.

– Аспид, – согласилась я, – да только к росту его приглядишься, лешенька, и возраст определить постарайся. И... говорит он что-то. А что?

Я клюку сжала крепче, пытаюсь уловить звук черно-угольных губ, пытаюсь расслышать его сквозь безмолвие зелени леса, превращавшейся в пепел, сквозь затихнувший ветер, сквозь треск высыхающей земли. И расслышала. Едва-едва, но расслышала. Как с трудом, с превеликим трудом, произнес хрупкий, скорее подросток, нежели мужчина, еще тонкокостный аспид. А произнес он: «Покойся с миром, прабабушка».

И распахнула глаза я удивленно, на меня с не меньшим удивлением леший посмотрел, и оба мы на клюку.

– Это наш упырь! – прошипел лешенька. Да тут же исправился:

– Аспид в смысле.

– Не уверена, – ответила медленно.

– От чего-ж не уверена? – не говорил леший – рычал разгневанно.

В глаза его взглянула, руку обратно на щеку вернула, да и передала свое воспоминание, то что мне Ярина поведала, в ночь когда Агнехрана-мага спасать пришлось. И увидел лешенька как сгубили-уничтожили ведунью старую, что в знак Ходоков вступила по незнанию, да как сожгла себя она, лес спасти пытаюсь, да как скверна от нее черными чернилами расплылась, лес отравляя.

Подумал леший, на стул возле меня сел, сгорбился. И высказал растеряно:

– Да, дела. А что дальше было, того Ярина не видела?

– Не видела, – подтвердила я. – Она с напастью справиться пыталась, от того и не помнит. Но что точно могу сказать – было что-то дальше. А что точно, я не ведаю. Да только ведунья Гиблого яра погибла в центре леса своего, а клюка ее оказалась на самой опушке.

– Как оказалась, то уж мы с тобой знаем, – сказал леший. Узнали, да, с этим не поспоришь.

– А аспид наш, это я точно тебе сказать могу. Сама посуди – глаза у него синие, но не в этом суть, а в ином – порядки он наши знает, по лесу Заповедному ходит-перемещается как у себя дома, а самое главное – он от тебя, ведунья лесная, ребеночка хочет, а значит точно ведает – такие как ты таких как он родить могут-то.

И с этим не поспоришь, так если подумать. Да только:

– Иные они, это я тебе как ведьма сказать могу. Эмоционально разные. Тот что на опушке леса клюку положил, в том боль была, да...

Да и замолчала я.

От того замолчала, что вспомнила разговор свой с аспидом.

«Главный алхимический закон – чтобы что-то получить, следует отдать равноценное. Что отдал ты?»

«Жену. То единственное, чего было не жалко».

И опустилась рука моя, а в сердце закралась мысль страшная – прав леший. Прав. Эмоционально то аспиды для меня, ведьмы, разные, но коли тому что подростком на краю опушки стоял выпало бы сына потерять и жену самолично убить, эмоционально поменялся бы он, изменился, и тогда...

– Может, ты и прав, – прошептала я.

Кивнул лешенька, да только безрадостно – нечему было радоваться.

– Как узнал-то? – спросила по поводу воспоминания этого. Пожал леший плечами могучими, да и ответил:

– Леся аспида не нашла, Ярина аспида не нашла, я одну клюку взял, опосля за вторую взялся, вот вторая и... показала.

Посидели молча. Да и что сказать-то? Ведунью Гиблого яра было жаль. Ключу ее жаль. Правнука вот тоже жалко очень, а что тут сделаешь?

– С Агнехраном говорила? – спросил леший, кивнув на блюдце перевернутое.

– С ним, – указала на бумагу с записями, – заклинание спросила, да совета.

– Дал, совет-то? – враждебно лешенька поинтересовался.

– Дал. Много чего дал, многое объяснил, о многом задуматься заставил. Аспида бы мне.

И тут как по заказу – распахнулась дверь многострадальная, да так что чуть с петель не рухнула, и рухнула бы, да только подхватил ее Аедан, поглядел на порчу моего имущества сконфуженно, и мне сказал:

– Сейчас исправлю.

И засияли два круга алхимических там, где петли были, железо ржавенькое расплавили, да тут же и заковали, и стали петлицы

новехонькими, словно только бы от кузнеца забрала. Одного только аспид не учел – когда кует кузнец, он же не прямо на дереве-то железо расплавляет.

– Кхе-кхе, – закашлялась я, рукой дым разгоняя.

– Исссправил, – прошипел леший, пламя гася, да дерево обугленное наращивая.

А я на это дело посмотрела, вздохнула, охранябушку добрым словом поминая, и перевернула блюдце серебряное – да только не было там уже никого, одна пустая, холодная, меня растерянную отразившая серебряная поверхность. И грустно так стало.

– Твое платье, – сказал аспид, – и туфельки.
И сложил все аккуратно на кровать мою.

– Благодарствую, – ответила рассеянно.

За окном гремел пир веселый, пели песни заунывные и заувойные волкодлаки, подпевали им бадзуллы, что-то вставляли со смехом вампиры – веселилась и пиrowала нечисть почтенная, им, в отличие от меня, сегодня не воевать.

– Ты на пир иди, господин Аедан, – посоветовала, заклинание читая про себя, – об одном лишь прошу – в вине меру знай сегодня, коли лешенька да Водя не справятся, твоя помощь понадобится мне.

И выпрямился аспид, хотя навроде и так ровно стоял, на меня поглядел глазами змеиными, да и спросил:

– А что ты делать собралась, хозяйка лесная?
Но ответила ему не я, леший ответил:

– А ты, аспид уважаемый, что на опушке яра Гиблого будучи парубком безусым делал-то?

Медленно аспид голову повернул, странно так на лешиньку поглядел, весьма странно, словно убить его прямо сейчас готов и всколыхнулась в нем эта злоба страшная, я аж побледнела, да только... как всколыхнулась, так и схлынула, и ответил Аедан сквозь зубы:

– Не я.

Леший на меня посмотрел. Я на него, ему и сказала:

– Не он, говорила же тебе.

Но друг верный на своем стоял:

– Говорила, да опосля подумала, и к выводу пришла, что прав я.

– Да, была мысль такая, – согласилась я, – только господин Аедан сейчас в такую ярость пришел, что одно могу тебе сказать –

был бы там он, да еще парубком нервнонеустойчивым, он бы не боль свою отпустил, а весь яр сжег к чертям гулящим.

Тут и аспид и леший так на меня посмотрели, что даже неудобно как-то стало.

– В ярость пришел? – переспросил лешенька.

– Боль отпустил? – в свою очередь спросил аспид.

Объясняй им все теперь. Вдохнула я, поднялась величественно, да и высказала:

– Лешенька, месяц высоко, пора нам. Аспидушка, я тебя уважаю, силу твою признаю, авторитет тоже, но коли еще раз на лешего моего взглядом таким поглядишь, вышвырну из моего леса заповедного не задумываясь. Понял меня?

Видать не понял. Застыл, глаза сверкают, зубы едва не скрежещут, от самого такая сила исходит странная.

– Охлонись! – потребовала я.
И заметалась по избе, собираясь.

Многое приготовить надобно было – веник ромашковый, веник

мятный, да веник дубовый. Окромя еще плошку деревянную, нож костяной ритуальный, да бинт, в свое время в спирту можжевелевом вымоченный. Пока бегала, волосы в косу кое-как приладила, но как собрала все, да обуваться стала, опали на лицо растрепанными прядями, чуть не упала нагнувшись, хорошо аспид придержал. Леший не мог – он держал веники травяные, и плошку, и бинт в плошке, хорошо хоть нож костяной я уже в ножны уместила да на пояс повесила.

– Благодарствую, – быстро аспида поблагодарила.

Не ответило на мою благодарность чудище легендарное, лишь
вопросило недобро:

– Нож зачем? И от пиалы этой кровью несет.

– Ну, несет и несет, – я быстро обулась, кое-как волосы заплела, с вызовом на аспида посмотрела. – Не бойсь, не всю потрачу, тебе ровно треть останется, как и договаривались.

И не ожидая ответа, из избы выскользнула, по ступеням вниз
сбежала да и со всего маху
врезалась!

Аккурат в аспида и врезалась. Отшатнулась, голову запрокинула, на невесть как на моем пути вставшего, и уж спросить хотела, как засиял вокруг нас круг алхимический.

И вот это он уже зря.

Топнула ногой оземь, и погас круг алхимический, затухли руны да письма.

Сузил глаза змеиные аспид.

– Забыл, с кем дело имеешь? – спросила разгневанно.

Видать забыл, теперь воззрился на меня так, словно вспоминал... или мне напоминал, кто он взглядом своим полным ярости. Да вдруг понял и он, и я, что... тихо стало вокруг. Выглянула я из-за аспиды – а там пирующие застыли, на нас глядят с интересом, и Гыркула, вот даром что граф, взял да и сказал
Далаку:

– Два золотых на ведьму ставлю!

– Пять на аспиды! – не остался в долгу вождь волкодлаков.

– Душу человеческую на ведьму! – заорал, судя по всему, черт.

Вот же... куда вообще кикиморы глядят? Мужика на болоте всем
гуртом и то удержать не могут!

– Граф, я же сейчас выпью! – произнесла, голос повысив.
Пауза и виртуозно-наглое от Гыркулы:

– А, все, пари расторгается. Други мои верные, за нашу ведьму славную, когда трезвая!

Его тост поддержали.

– За госпожу лесную хозяйку!

– За ведьму лесную!

– За ведунью справную!

– За победу!

Дальше пир продолжился, а я, про войну-то вспомнив, аспиду сказала примирительно:

– Чего хотел-то, а?

Думала миром дело кончится, да не тут-то было.

– Пиалу и костяной кинжал, – отчеканил аспид, – ты с ними отсюда не уйдешь.

Вот привязался-то, а!

Постояла, посмотрела, подумала, и...

Резко шаг к аспиду сделала, руку подняла, ладонь к щеке черной словно сажа приставила, в глаза заглянула и передала ему, то воспоминание из прошлого, что клюка лешему поведала. Как есть передала. И черноту, по лесу расползающуюся, и землю трещинами покрывающуюся, и листву прахом осыпающуюся, и слова юного

аспида «Покойся с миром, прабабушка». Все-превсе передала, и когда застыл аспид, соляным столбом застыл, сама быстрехонько клюку подхватила, оземь ударила, да и перенеслась без слов и объяснений аккуратно на самый берег Заводи.

Водя меня ждал. Сидел красивый такой, одетый полностью по-человечески, с волосами уложенными, с лицом частью чешуей покрытым и ждал.

– А с лицом чего? – спросила я, подходя ближе.

– Эмм... новая мода, русалки мои постарались, покуда отдыхал, не хотел при них снимать, труд старательный напраслиной величать,

– величественно произнес водяной.

Я пригляделась к чешуйкам – те казались серебряными, да тонко выделанными, видать и правда работа сложная, особенно для русалок. Им же серебро вредит, это Водя сильный ему серебро ни по чем, а русалки они по обыкновению с жемчугом возиться могут, а тут точно металл.

– Красиво, – протянула я, любуясь тем, как луна в чешуйках отражается.

– Правда нравится? – оживился Водя.

– Очень, – серьезно подтвердила я. – Ночью особенно хорошо смотрится.

Из земли вышел мой леший, со всем для ритуала надобным, поглядел на водяного, от чего-то при друге моем помрачневшим, да и сказал:

– Это ж какой величины синячище-то должен быть, чтоб его залечить нельзя было, и пришлось
серебром маскировать?

Водяной застыл, сделав вид, что вообще ничего не слышал. А я вот замерла, но по другому поводу – это что вот сейчас было-то?

– Водя, – голос мой сорвался и шепотом сдавленным стал, – на тебя аспид напал?! Как посмел? На
моей-то земле?!

Не ответил мне водяной ничего, зато леший внес ясность в ситуацию:

– Не, не на твоей земле, Веся, в воде дрались мужики, не иначе.

И Водя мой, хоть и так ровно стоял, а выпрямился и еще ровнее стал, и хотел было что-то сказать, но перебил его лешенька, так рассудив:

– Аспид хоть и гад, но гад благородный – у водяного супротив него на земле не было бы и шанса, вот аспид и благородно набил ему морду аккурат в его стихии.

Тут отмер Водя, да и прошипел:

– А не пошел бы ты, леший, тропкой нехоженой!

Мы с лешинькой переглянулись непонимающе, да и пояснила я:

– Водя, это леший, он по нехоженным-то и ходит завсегда, служба у него такая.

Помолчал водяной, зубами поскрежетал, да и не стал ничего

говорить.

Ему говорить и не требовалось – моя очередь пришла.

– Ну, – сказала я, – готовы?

Кивнул лешенька, кивнул Водя, кивнула и я, ответ их принимая. А опосля передала клюку свою привычную лешему, тот мне клюку Гиблого яра отдал, да и весь скарб мой из избы прихваченный.

– Леший, ты в лесу остаешься, – напомнила другу верному.

– Водя, рядом будь по-возможности, – попросила жалостливо.

– Буду, – уверенно пообещал водяной.

И мне бы уверенной быть, решительной, мудрой да сосредоточенной, а в сердце звучат слова охранябушки «Боюсь. Очень боюсь, Веся. До того боюсь, что вздохнуть тяжело. Измени слова последние, прошу тебя, не упрямясь», и не получается сосредоточиться. Никак не получается. А зря.

– Помоги мне земля-матушка, – прошептала я.
Да и ударила клюкой оземь!

И может показалось мне, может почудилось, но за миг до того, как шагнула на тропу заповедную, засиял в шаге от меня круг алхимический, вот только... поздно, меня уже не догнать было.

На землю Гиблого яра ступила неуверенно. О силе своей ведала, о возможностях знала, о том, с чем столкнуться придется тоже догадывалась, а все равно робело сердце, дыхание срывалось, да страх в душе был. Страх, самый настоящий.

За спиной моей река вспенилась, забурлила, да от силы потоков водных задрожала земля под ногами – водяной сейчас частично отрезал меня от яра Гиблого. Только частично, связь то мне держать с лесом требовалось неизменно. Вот и получилась полянка

каплеобразной формы – узким концом с яром соединенная. На конце том тут же Ярина возникла, да и смотрела встревожено, страха и волнения не скрывая, даже цветы, что распустились на ней, вянуть прямо на глазах начали.

– Не бойся, – успокоила я чашу, – сегодня никто не погибнет,
лишь покой обретут те, кто ищет
покоя.

Но Ярина тревожилась, и все сильнее. И хоть не живая, но тряслась как лист осиновый, дрожала всем телом, то на меня, но на лес оглядываясь.

– Ярина, случилось что? – спросила дурное чувствуя.

Протянула чаща руку, от нее до моей побег вырос, и едва моей ладони коснулся, увидела я то, что Ярину до смерти перепугало – девушку я увидела. Девушку в платье белом, что босая металась по яру Гиблому. Кожа у нее была белая, почти фарфоровая, волосы черные блестящие, лицо красивое, словно из мрамора высеченное мастером, вложившим всю свою любовь в свою статую, и глаза – огромные, абсолютно черные, словно два отполированных до блеска обсидиана.

И волосы медленно зашевелились на затылке от ужаса.

– Веся, что случилось? – встревожено спросил водяной.

Я обернулась к нему – Водя из воды на половину высунулся, рядом с ним его золотая стража была, двадцать отборных воинов-русалов в золотых доспехах, чуть подальше стража серебряная – с полсотни, не меньше, еще далее жемчужная охрана на готове стояла, никак из самого океана приплыли. Водя же водяной не обычный, особенный он стал после того, как силу чародейки получил, от того и территории у него большие, аж до океана простираются, и войско немалое. Да только не поможет мне все это войско, коли мавка в нежить обращенная до меня доберется! Мне тогда уже ничего не поможет.

– Веся? – Водя занервничал.

А я на него смотрю, и что сказать не ведаю. Коли правду скажу – Водя меня отсюда вытащит, супротив воли моей вытащит. Скажу лешему – тот же исход. Про аспида и говорить нечего. А я мавку мертвую в Гиблом яру оставить не могу! Кто ее создал вопрос хороший, да только ответ мне не поможет. Мавки – это утопленницы. Те, кто жить не захотел, да в стремнину шагнул осознанно. Именно осознанно – это главное в перерождении. Именно осознанность не

дает мавкам стать нежитью, они нечистью остаются. И живут себе в реке, али близ нее, песни поют, хороводы устраивают, венки плетут в полночь, да парней иной раз к себе заманивают... А дальше как получится, кого отпустят, кого в топь заманят, а если кого полюбят, живут с ним как муж с женой, с одной лишь разницей – днем мавка из дому не выходит, жжет ее солнце, не до смерти, но жжет. Вреда от мавки обычной немного, разум то они сохраняют, так что и договориться можно, и водяным пригрозить, и в целом народ адекватный, разве что с русалками вечно ссорятся. Но коли дева юная в стремнину шагнула не осознанно, а под действием чар, да опосля смерти своей чарами же была и поднята, появляется совсем иное существо – навкара. Навкары опасны. Смертельно опасны даже для меня, ведуньи леса Заповедного. Скорость у нее сверхъестественная, выносливость – моему лешему на зависть, регенерация – бесконечна, а коли опасность высока, навкара прыгнет так высоко, что любая опасность внизу останется, но не надолго – упав сверху

навкара молча убьет. И хорошо если молча, потому как своим голосом навкары могут многое – и в транс ввести, и в ступор, и парализовать. А могут заставить врага в себе самом увидеть, и себя же убить без колебаний да на радость улыбающейся навкаре.

От того сражаться с ней бессмысленно – отгородиться, отбросить, парализовать на время краткое и бежать, далеко-далеко бежать, вот только мне отступать некуда. Это мой лес. Теперь мой. И если мавки лесу полезные – где мавка шагнет, там трава и та зацветет, то с навкарой иначе все – следы ее черной гнилью оборачиваются, губит она лес, не сразу, но губит. И если в мой Заповедный пройти не сумеет, границы охраняются, то в Гиблый яр пробраться ей не сложно было, Ярина-то еще слаба, а потому... схватки с навкарой мне не избежать. Никак не избежать. Она всех погубить может – и лешиньку, и водяного, и вампиров, и волкодлаков, с бадзулами разве что провозится чуть подольше, но и их без труда уничтожит. Моровиков позвать? У них крови нет, навкаре на них нет и смысла нападать, но вот слежу я за ней глазами Ярины и вижу – не за кровью в мой лес эта тварь пожаловала, вовсе не за кровью, она мимо оленей пасущихся легко проскользнула, на кабанов не взглянула даже, а сама вся белая от голода, так что не кровь, вовсе не кровь ей надобна была – она за жизнью пришла, и что-то мне подсказывает, что за моей.

А я за жизнью моей никому бы приходить не советовала бы!

Опасно это, за жизнью моей приходить, недальновидно я бы даже сказала!

«Лешенька, – отпустив побег Ярины, друга верного позвала, – соль мне нужна, вся какая есть, вся нужна, да в избе, в сундуке моем есть пузырек из стекла зеленого, его захвати, нужен безмерно».

Леший тут же ответил:

«Это какой пузырек, тот коим ты потравиться опосля смерти Кевина думала?»

«Он самый. А еще, знаешь, платье мне нужно мое, свадебное».

«Так я ж его порвал, – напомнил друг-соратник».

«Неси рваное, что ж делать-то. К заводи неси, сейчас водяного пришлю».

И весело Водю попросила:

– Не хватает мне сущей малости, коли не трудно, перенеси от лешеньки ко мне да скоренько.

Нахмурился Водя – как-никак при всей его армии за передачей послала, но слова мне не сказал, лишь кивнул, да умчался мгновенно, под блестящими взглядами всей своей армии. А у русалов глаза ярче

доспехов их заблестели, и все почему – да любопытные они сверх меры. Таким яд доверять никак, они ж как дети малые, коли увидят что-то закрытое, тут же нос свой сунут, непременно сунут, природа у них такая. От того и помчался Водя сам, знает уже хорошо своих подданных, и меня знает, сразу понял – опасное что-то принести нужно, очень опасное.

Я же вдохнув грудью полной, улынулась месяцу, Ярине сказала

«Не усердствуй с защитой» и начала готовиться к делу славному, но кровавому. Для начала прут взяла ивовый – им круг обвела в пять шагов диаметром, аккуратно по границе затопления островка. И там, где связь с лесом была, только там разложила для начала мяту сушеную

– любую нежить замедлит она, опосля веник ромашковый разложила по веточке – нежить любую он о прошлом задуматься заставит. Аккуратно раскладывала, бережно, не торопясь. Как закончила, как раз и Водя вернулся. Я к нему поспешила, мешочек с солью взяла небрежно, платье через плечо перекинула – а вот пузырек с ядом очень-очень осторожно.

– Весь, – тихо сказал Водя, – ты же его пить не собираешься?

– По обстоятельствам, Водя, по обстоятельствам, – улынулась ему. – А теперь прикажи армии своей затонуть ненадолго, переодеться мне надобно.

Приказал. И раз приказал. И второй. И третий. Да только пока кракена не позвал, толку с его приказов не было – ну любопытный народ русалы. Они любопытнее русалок будут. И сплетничают втрое больше, чем женские особи, и за собой следят в сто раз лучше, и даже волосы красят в цвет доспехов своих. Так у золотой гвардии и волосы золотые, у серебряной соответственно серебряные, а вот как жемчужные войска жемчужного цвета волос добиваются мне вообще неизвестно. Но я время не теряла, пока Водя на рев срывался уж пару раз, я за пределы круга шагнула, да обильно солью проход посыпала. Соль вообще штука хорошая, от нечисти защитить может, если концентрация нужная, и от нежити тоже помочь способна, вот только не от всякой... от навкары соль не защитит, и я это знала преотлично.

А потом, пока Водяной зорко за гладью водной следил, быстренько в платье свое переделалась, хоть и не самое приятное это дело было, не остирала я его от крови, и застыла та пятнами бурьми, а на спине платье вовсе порвано было, ну да сойдет, а уж потом, как-нибудь, приведу его в вид человеческий.

– Ну, все, – объявила я водяному, усаживаясь в центре круга поудобнее, и размешая перед собой плоску с кровью, пузырек с ядом, да кинжал костяной.

– Что значит «все»? – возмутился Водя. – Весь, у тебя вся спина голая!

А, да, точно – и я волосы распустила.

– Очень смешно, – выругался водяной.

Обернулась, посмотрела на него, да и сказала как есть:

– Водя, она меня только спереди видеть будет, на спину мою ей смотреть будет некогда.

– Ей это кому? – прорычал водяной.

Подмигнула весело другу давнему, повернулась лицом к лесу, нож взяла рукой левой, запястье обнажила на правой, голову запрокинула, на месяц глядя, улыбнулась – опасность всегда с улыбкой встречать надобно, я же ведьма, а мы народ гостеприимный, и начала со слов Агнехраном поведанных:

– Frigus, ventum, et

Corda vestra sunt, sicut lapis in mare
Ego addictos suffocatio in mea motus
Oceanum dixit omnia esse denique
Si vos ire ad somnum...

Слова на языке магов, языке что раздражал, вызывал бешенство у нежити, слова сказанные с веселостью и беспечностью. Так маг самоучка, раздобывший учебник где-нибудь, пробует силы свои... и гибнет. Не существует магов самоучек, нет их, не выживают они, такой вот своеобразный природный отбор. И вот сейчас я взбесила всю нежить в округе заклинанием своим, и послышался рев, рык, хрип, вой, загудел Гиблый яр, взбунтовался, в неистовство пришел.

Улыбнулась я шире, да и вторую ошибку совершила, из тех, что маги-недоучки совершают – к крови своей прибегла. Легко прошлось лезвие костяное по тонкой коже запястья, заалел порез, набухли тяжелые багровые, почти черные в темноте ночи капли, да потекли в плоску подставленную.

И задрожала земля, затряслась – я всем телом то чувствовала.

Вскипела вода за моей спиной – Водя перестраховывался, войска свои подогнал ближе, и судя по плеску кракенов не щадил, гнал со скоростью огромной. Зашумел и лес впереди, загудела земля – Ярина тоже к схватке готовилась, силы свои стягивала, и вспарывая почву поднимались из глубин кусты терновые, стеной непролазной вырастали деревья, наливались ядом острые клиновидные колючки на лианах. Опытная была Ярина, ослабленной, это да, но опытной и знающей, от того знала и я – никого из нежити не подпустит она ко мне. Но существовал на свете и еще кто-то, кто точно знал – Заповедная чаща свою ведунью защитит от всего. От всего, кроме навкары!

И схватив клюку левой рукой, я ударила по земле правой

кровоточащей ладонью, и вскинув голову, посмотрела в глубь темного леса.

Навару я увидела почти сразу, но она почувствовала меня быстрее. Тоненькая темноволосая фигурка в белом легком обнимающем ее стан платье, сидела на ветви пораженного гнилью искривленного скверной дерева, выгнув спину словно кошка, и пригнувавшаяся к воздуху словно гончая, что почуяла добычу. Да,

не ошиблась я, по мою душу оказалась здесь навкара, за мной пришла, исключительно за мной.

«Веся, что у тебя? Творишь что? Веся, вампиры застыли, чуют что-то. Моровики из-за столов повывлетели, бадзулов едва на границе сдержал. Что ты делаешь?»

«Держи их, никого не пускай, навкара тут, лешенька, навкара, за мной послана, за мной и пришла».

Ничего не ответил леший, только завыл да так, что вой его в клюке отозвался. Силен был наш враг, силен и умен сверх меры. Это хорошо, что Ярина предупредила вовремя, да углядеть навкару смогла даже в той части леса, которую не контролировала, а коли не углядела бы... для навкары солнечный свет, особенно в густом темном лесу, опасности не представляет, да даже неудобства не доставляет никакого. И она напала бы на меня, рано или поздно, но напала бы. И вот тогда никто бы не спас... Да и сейчас едва ли смог бы спасти хоть кто-то. Ярина попыталась, сейчас, когда я держала клюку, она моими глазами видеть могла, моими и леса, и узрев где засела навкара, попыталась сплести терновую сеть, но тщетно – улыбнулось навье отродье, блеснули клыки пол алыми губами и звуковая волна хлестко ударила по терновому плетению, разрывая его в клочья... А после навкара помчалась ко мне. Даже не помчалась – она словно летела. Как мотылек, почти не касаясь ни земли, ни ветвей. Она мчалась, целенаправленно и точно, отмахиваясь от Ярины легко... слишком легко. Чаща за ней попросту не поспевала, навкара слишком быстра, слишком подвижна, фантастически проворна. И она неслась ко мне, с неутомимой жадной моей, именно моей крови.

Кажется, мне еще никогда не было так страшно.

Умом все понимаю, правильно сделала, да и шанс если и будет, то только сейчас, а сердце замирает от ужаса, потому что чувствую, уже чувствую – навкара завывала. И от воя ее сыпались листья с деревьев, опали ветви сломанные, гибли нетопыри, не успевшие уйти от звуковой волны. И эта смертельно опасная звуковая волна неслась ко мне...

– Аскарган! – выкрикнула, вскинув правую ладонь.

Заклинание, которому когда-то научил меня Тиромир, сработало безупречно – и звуковая волна разбилась о магический щит, не причинив мне никакого вреда.

Вот только Водя сходу осознал – я в опасности и утаила это от него.

– Убью, Веся! – прошипел он.

Но это он на эмоциях, а в деле военном водяной был силен, и сходу разнеслось над водой:

– Сирены!

Второй звуковой таран созданный навкарой разбила сирены, они в голосовом деле послабее были, зато их было много, подстраховался Водя. Подстраховался и... перестарался, откровенно говоря. От воя сирен рухнули деревья. Не все, лишь те что подняла из земли Ярина, и от того корни у них слабы были, но деревья именно эти моей защитой нежити были, а потому:

– Водя, нет. Не вмешивайся, – приказала я.

То что водяному это не понравилось, это и дураку было ясно, да только – на суше Водя навкаре не соперник, а в воду эта тварь сама не сунется. Разумная она, в том, что касается боя, всегда разумная. Я ладонь в кулак сжала, и от того кровь потекла сильнее и... страшно мне было, а как-то держаться надо было, страшное впереди все, я это понимала.

«Ярина, оставь ее, то мой бой, держи нежить», – приказала чаще.

«Когда вмешаться?» – пришел вопрос от лешего.

Ох, хотелось сказать «сейчас», да только... не выход это.

«Если крови во мне почти не останется», – сказала честно.

Она появилась на ближайшем дереве. Белая тень, что в сумраке выделялась черными волосами. Огромные черные глаза заблестели, при виде меня, алые губы растянулись в жуткой усмешке, обнажая жуткие, наполняющиеся чернотой клыки.

«Держись, Веся, держись», – сказала самой себе.

И протянула руку, размещая порезанное запястье над плоской... навкара недовольно заворчала, видя как кровь, которую она уже считала своей, бессмысленно вытекает.

– Остановись, ведьма, – звук ее голоса резанул по ушам.

С громким плеском ушли под воду кракены, они не выдерживали высокочастотных звуков, для них такое было почти смерти подобно. Мне же попросту неприятно, и от того я сильнее сжала кулак – кровь потекла вдвое быстрее.

Навкара заорала, да так споро, что я не успела применить заклинание!

Звуковая волна едва не сбила с ног, хотя я сидела, ударила в грудь, не давая сказать и слова, почти оглушила, ударила по глазам так, что черные точки заплясали передо мной, демонстрируя, что дело плохо, очень плохо.

Что ж, выбора нет – переходим к козырям сразу с начала игры.

Скользкой от крови рукой я схватила пузырек, большим пальцем сдвинула древесную пробку и сама чуть не задохнулась от вони – яд был выжимкой из Бледной поганки и Мухомора вонючего. Причем я лично не знала, чего в нем больше – поганки или мухомора, судя по вони мухомор определенно в данном составе превалировал, преобладал и доминировал. Данный яд получали все ученицы Славастены, абсолютно все, наставница равнодушно предоставляла нам возможность в случае большого на то желания покончить жизнь самоубийством, не доставляя никому проблем. Я вот только одного так и не поняла – этот яд обладал столь убийственной вонью для того, чтобы его нельзя было никому подлить, или чтобы одним своим запахом сразу отбить всяческое желание самоубиваться? В любом случае – яд работал. Я этот пузырек уже раза два открывала, и каждый раз данное амбре убеждало в том, что жизнь не такая уж и плохая штука, в любом случае лучше настолько вонючей смерти. Вот и сейчас даже глаза заслезались, и не только у меня.

– Не-е-ет! – завизжала навкара, не слишком удачно отпрянув назад, вследствие чего свалилась с ветви, не успев перегруппироваться, ударилась спиной о нижнюю ветку, огласив лес хрустом костей, упала ниже, сломав ребро.. или несколько сразу, и рухнула наземь, насадившись животом на обломок дерева, оставшийся после выступления сирен.

Не то, чтобы я на что-то рассчитывала, навкару очень непросто убить, у нее мгновенная регенерация, а отрубленные конечности, кроме головы, конечно, вырастают тут же. Но ее падение дало мне шанс, прекрасный шанс, для того, чтобы поговорить.

– Слушай внимательно, – произнесла я, держа пузырек у рта, и пытаюсь сдержать подкатывающую тошноту, – мне нужно произнести заклинание. Всего одно заклинание, и после я вступлю в бой.

– И сдохнешь! – прошипела навкара, рывком поднимаясь, и оставляя стремительно гнить дерево, на которое пролилась ее кровь.

– И сдохну, возможно, – согласилась я, думая о том, что смерть от клыков навкары еще вполне себе ничего, по сравнению с этой адской вонью, – но либо так, либо я выпиваю яд.

Неестественно гибкая фигурка в испачканном, прямо как у меня,

белом платье замерла. С треском срастались сломанные кости, вернулась на место искалеченная падением рука, в нормальное положение встала шея, раскрылась страшная пасть, и навкара прошипела разъяренное:

– Не успеешь!

И стремительно ринулась на меня.

А стремительность, это не всегда хорошо, особенно если имеешь дело с ведьмой.

Через соляную насыпь навкара перемахнула не глядя, лишь усмехнулась победно, сочтя меня совсем дурой, а вот на мяте споткнулась, замедлившись и раскрыв рот от удивления, и на ромашке рухнула, погребенная лавиной своих воспоминаний.

И вот тогда улыбнулась уже я.

Улыбнулась, пузырек перед собой поставила, пристально за содрогавшейся навкарой следя ладонью окровавленной оземь ударила, и зашептала слова ведьминские, с магией ведуньи лесной переплетенные, слова истинные, слова покоя приносящие.

– Слово камень в тихой реке,
Ты уснешь в тихом омуте,

Ты спокоен, ты больше не воин.

Слова приходилось менять на ходу, потому что у меня не было никакой возможности успокоиться – я была настороже, и я была готова к бою, а потому... заклинание пришлось изменить.

– Я слышу мелодию тишины,
Я вдыхаю сияние луны,

Я сумела, значит сможешь и ты,
Увидеть добрые светлые сны.

Навкара неестественно выгнулась, человеку подобное движение переломало бы позвоночник, но для нее все обошлось лишь хрустом костей и воем – видимо жизнь эту трансформированную чарами мавку не радовала, и воспоминания ее практически убивали.

Но думать о том времени не было. Моя кровь стекала по коже теплыми струйками, в голове звенело от слабости, а заклинание напоенное влагой моей жизни следовало завершить. И понеслись последние слова:

– Снег на земле так прекрасен,
Тихо шепчет о чем-то ясьень,

– Я видела, как она двигается по лесу, Водя, нет у тебя ни шанса супротив нее на суше, ее чарами подняли, да чарами усилили, ей сейчас и противника пить не требуется, своих сил хватает. Уходи в воду, добром прошу. Сейчас уходи, пока не поздно еще, прошу тебя.

Зубами проскрежетал водяной, меч ухватил крепче, и... понял. То, что донести до него хотела, он это понял, стоило ему на навкару взглянуть. Правду Водя сказал – она от силы противника питается. И пока противником ее я была, силы ей черпать было неоткуда – я ведуныя лесная, мне силу лес дает, а лес ей не противник, в отличие от водяного. А вот от водяного черпать силу она и начала, да стремительно. Спущенной тетивой от земли отскочила, пасть оскалила, глаза черные кровью наливаясь стали, с губ капнула пена... о том, что дальше произойдет гадать смысла не было.

Вскочив, да так споро, что голова закружилась, я оттолкнула Водю, выставив перед собой клюку и вовремя – когда навкара прыгнула, ударная волна снесла ее с такой силой, что тварь сломала несколько деревьев по траектории своего полета. Но это ничуть не остановило ее и навкара, словно пружина, оттолкнувшись от дерева в которое влетела спиной, бросилась на меня. Ярина торопливо брешь защищающую меня от нежити залатала, а сил меня спасти у нее не было.

– В воду! – закричала я, сильнее клюку сжимая, и взгляда от навкары не отрывая.

Изящная грациозная бестия, в легком белом платье прыгающая по деревьям, взметнулась вверх, собираясь спикировать на меня так, чтобы мне пришлось силу свою контролировать – она знала, ударить не смогу, боясь повредить ограждение от ревущей за живой стеной нежити, а скинуть ее в воду при таком угле падения, не было никакой возможности...

Плеск за моей спиной, мне оставалось лишь надеяться, что это Водя ушел, чудовищное лицо пикирующей прямо на меня навкары, ее жуткая торжествующая обнажающая клыки кровожадная улыбка, и совершенно неожиданное движение справа, из-за моей спины.

Аспид шагнул со скоростью атакующей кобры, как высвобожденная пружина. Левая его ладонь была раскрыта, и перед ней сверкал алыми письменами алхимический круг, в правой он держал раскаленный до красна меч. Удар заклинанием – и навкару отбросило до края поляны, не повреждая деревья. Она упала на четвереньки, выгнула спину и заорала. Алхимический круг увеличился, поглощая звуковую волну, и аспид начал вращать меч с такой скоростью, что тот образовал второй огненный круг. Потрясенная навкара заворожено уставилась на пляску огня, и этой секунды аспиду хватило сполна.

Бросок серебряного кинжала, отработанный, техничный,

выверенный – и навкара перекачивается по земле вправо, уходя от ранения, чтобы погибнуть, едва вскочила на ноги. У нее не было и шанса, и огненный круг остановился в ее сердце, пробив грудь навывлет. Остолбеневшая навкара заорала от ужаса, боли и ярости, но алхимический круг поглотил ее крик, тонкой призрачной пленкой обхватил голову с раззявленной пастью и я услышала короткий приказ аспида:

– Отвернись!

Отвернулась тот час же, и вздрогнула, услышав жуткий и мерзкий хлопок, как будто что-то приглушенно взорвалось... Когда повернулась, аспид совершенно бесстрастно протирал куском ткани свой меч, обезглавленная навкара медленно рухнула на колени, а затем завалилась набок. Черная кровь пульсирующе лилась на траву, тело измененной чарами мавки стремительно разлагалось...

За то время, пока я потрясенно смотрела на ту, что считалась неубиваемой, аспид хладнокровно прошелся по поляне, нашел и поднял свой кинжал, засунул в ножны меч, после чего все так же, спокойно и уверенно подошел ко мне и задал всего один вопрос:

– Что воняет?

– Яд... – прошептала я.

Голос сел, нормально говорить не получалось.

– Что за яд? – несколько напрягшись, спросил господин Аедан.

– Мммой яд...

Внезапно поняла, что у меня голова кружится... от недосыпа видать.

– Хм, – протертый насухо кинжал тоже отправился в ножны, – твой значит. И что ты собиралась с ним делать?

– Пить, – ответила, уже вернув голос.

Он как-то внезапно вернулся, видимо из-за идиотизма вопроса. Просто вот что еще можно делать со своим ядом, если твой противник навкара? Ее не отравишь, она не дура поглощать яд не будет, естественно.

– Пить? – нехорошим, злым голосом переспросил аспид.

– Ну, пить, конечно, – я клюку выпустила, рану на запястье правой рукой зажала и пояснила непонятливому: – Это навкара, на меня натравленная приказом магическим, ей моя кровь позарез нужна была, это и я знала, и она. От того яд и понадобился – напади она до

срока оговоренного, я бы яд выпила, и тогда моя кровь для нее ядом
была бы. Видишь, расчет простой и
понятный.

– Вижжу! – прошипел аспид.

Да ко мне быстро направился. Так направился, что я отступила с
перепугу, и чуть клюку не призвала. Аспид зло усмехнулся, подошел,
за руку раненную схватил и спросил лютым голосом:

– Боишься, ведунья?

В глаза взгляделся и продолжил:

– Побледнела даже, ну надо же. Навкару ты не боишься, ты у нас
смелая, из тех что «сама сдохну и врагов с собой заберу», а меня,
значит, боишься?

– Ну ты же не враг, – сболтнула со страху.

Он усмехнулся, головой покачал неодобрительно, ладонь над
моим запястьем простер и начал
затягиваться порез кровоточащий.

– Ну, коли не враг, сберегу тебе бинты, – сказал аспид
язвительно, – стирать не придется.

– Это точно, – согласилась, следя за тем, как исчезает и рана, и
даже потеки крови.

Я наблюдала за исцелением, и только сейчас чувствовать начала
боль в груди холодную, словно чернильное пятно растекающуюся, и с
каждым вздохом усиливающуюся. И не понравилось мне это, совсем
не понравилось, так не понравилось, что заволновалась я, и было же от

чего волноваться – происходило что-то, чего я вообще не ведала. Зато
мне было известно, кто ведает.

– Ааспид, аспидушка, – проговорила голосом слабеющим, –
мне маг нужен.

– Мм? – спросил господин Аедан, пристально следя за
запястьем моим и тем, как шрам ровной чистой кожей обращается.

– Агнехран, – выдохнула я.

Аспид вздрогнул и на меня посмотрел. Так словно я его имя
назвала, или имя, что знал хорошо, очень хорошо, будто связан был с
его носителем.

– Агне... архимаг нужен? – спросил, сбившись в начале
вопроса.

Нужен, ох как нужен. Так нужен, что сама бы к нему обратилась, но боль в груди все росла и росла, чернотой изнутри наполняя, и чувство такое, что не доберусь я до избушки своей, да и нельзя сейчас, нельзя мне отсюда ни на шаг уходить в эту ночь, иначе все сотворенное будет потеряно. Вот только с каждым вздохом чувство такое, что себя я уже теряю.

– Боль в груди, – прошептала, слабея, и понимая, что мага звать поздно, да и ответит ли на зов мой сразу же еще неизвестно, – лешего зови... и... – перед глазами темнеть начало, – и не буди. Не смей будить, нельзя сейчас.

На траву я не рухнула – аспид удержал тело мое, а вот разум удержать уже не смог, да и никто бы не смог. Тенью незримою шагнула я к клюке своей второй, с земли подняла, да и не чувствуя ни боли, ни холода шагнула с поляны прочь, лишь на выходе обернувшись да и... чуть прямо там не осталась! Целовал тело мое белое аспид! Как есть целовал. Платье сдернул, чуть что не до груди самой, и целовал выцеловывал, да так, что все русалы всей армией оторопели, а Водя змеем водным к аспиду ринулся, и получил разъяренное:

– Лешего зови, сам не смогу. Сейчас! Живо!

И водяной послушался, в воду скользнул да исчез, а я... я... стыдно мне стало. Это аспид бессовестный да бесстыдный, а у меня то и совесть и гордость в наличии. Вернулась я, вплотную к аспиду подошла, посмотрела выразительно.

Нет, взгляд он мой не увидел, конечно, но клюкой вставшей рядом с ним впечатлился, взгляд на меня, незримою, перевел, и спросил

голосом дрогнувшим:

– Вввввв?

Наклонилась к нему близехонько, да у самого уха выдохнула:

«Ирод, платье на место верни и учти – коли грудь мою тронешь похабно, али еще что – клюкой промеж глаз своих бесстыдных и схлопочешь!»

Улыбнулся аспид, с облегчением улыбнулся, да с радостью нескрываемой и произнес:

– Веся, ты значит, а я чувствую, что уходишь, думал навеки...

«Нет, что ты, поутру вернусь, а пока дел много, – забавно было с ним так разговаривать, я возле лица его близехонько, вот-вот и носом к его носу прикоснусь, а он меня ни тронуть ни увидеть не может. – Водю за лешинькой послал это правильно, странную боль испытала, раньше с таким не сталкивалась, тревожно мне стало. А как леший проверит, возвращаясь с ним в лес мой Заповедный, вы моя подмога, коли пойдет что не так».

Закрыв глаза аспид, вздохнул тяжело, словно нервы свои успокаивал, да и распахнув очи от ярости суженные спросил разгневанно:

– А то, что сейчас произошло, это все «пошло так»?!

Плечами пожала, не сразу вспомнила, что не видит он меня, да и ответила:

«Более-менее. Навкара, конечно, неприятным сюрпризом стала, но справились же, так что хорошо все, а тебе благодарность особая».

Посмотрел на меня аспид, посмотрел... да и вдруг рука его наглая и бесстыжая под ткань платья свадебного скользнула да и сжала то, чего трогать не должна была бы. Меня оторопь взяла и от этого, и от того, что призрачной сутью своей я прикосновение это почувствовала!

«Убью!» – прошипела я, клюку крепче сжимая.

– Ха, – произнес аспид, и тут же вопрос задал: – Значит, сама ты лешего позвать не можешь.

«Не могу, конечно! – я в глаза бесстыжие смотрю, то на руку его еще более бесстыжую, то снова в глаза. – Он леший Заповедного леса, я в данный момент ведунья Гиблого яра – связь между нами разорвана. И не лапай меня сказала!»

Аспид улыбнулся. Широко улыбнулся, нагло, опосля наклонился да и губами к губам моим прижался... Я чуть клюку не обронила,

подхватила в последний миг, чувствуя... поцелуй ее чувствуя всем телом. Не только губами, но и душой, сердцем, теплом. Чувствую, а не должна ведь!

– Убью! – прозвучал на полянке голос родной да знакомый, голос друга верного, да защитника истинного.

– Мда, рано позвал, – вздохнул аспид и целовать меня перестал. Леший тяжело к нему подошел, меня с рук бессовестных забрал,

на траву бережно уложил, да и отступить собирался, как и следовало, только тут вдруг аспид вмешался:

– Подними ее!

– Нельзя, – огрызнулся лешенька, – она ведунья, она с землей леса этого, с почвой контакт иметь должна.

– Контакт? – тоном нехорошим переспросил аспид.- На ней платье порванное, ты почитай обнаженной кожей ее на землю сырую уложить хочешь?

Усмехнулся леший, да и предложил:

– А ты подлатай, коли прыткий такой.

Это лешенька сурово так подшутил – мое платье свадебное подлатать только я могла. И постирать тоже. Опосля ночи страшной, когда печать с Агнехрана-охранябушки сняла, его русалки отстирали да зашили, но продержалось все недолго – мое платье воспринимало только мое воздействие, мою магию, таким уж создала его, удара в спину
завсегда ожидая.

Но аспид не купился и латать ничего не стал, молча рубашку с себя стянул, молча на земле растянул, меня взял да и переложил, а после, под взглядом мрачным лешего моего, руку мою левую с рубашки переложил на траву.

– Вот тебе и контакт с почвой леса, – произнес, поднимаясь.

Никак леший не прокомментировал, ни слова аспиду не сказал, напрямую ко мне обратился:

– Веся, так подойдет?

Я к лешиньке подошла, да и молвила ему шепотом ветра:

«Лесе прикажи настороже быть, опасаясь я, что не одна навкара
припасена
наших».
в закромах у врагов

Леший было попытался ответить мысленно, но у меня в руках вошедшая в силу полную клюка иного леса была, не того, что на двоих делили, вот связь и разорвана оказалась.

– Понял, Веся, – тихо произнес.

Я кивнула, потом вспомнила, что не видать меня, и добавила:

«Аспида забери, я от этой ночи хорошего уж не жду».
Вздыхнул тяжело грудью могучей леший и произнес:

– Как скажешь.

И уже аспиду:

– Господин Аедан, мы уходим.

Полуголый черный аспид на это отреагировал ледяным:

– Леший, ополоумел? Там нежить кровь почуяв, озверела вконец,
а ты предлагаешь Весю тут оставить?

– А она тебе не «Веся», – прорычал друг верный, – для тебя она «госпожа лесная ведунья», и как ведунья останется там, где ей следует!

Сверкнули очи аспидовы, да только я в конфликт вмешалась споро

– подошла к Аедану быстро, к лицу его ладонью незримой-неошутимой притронулась по-привычке, но он почувствовал. Взгляд на меня тут же перевел, и щекой к ладони приник, и мне от жеста этого, теплее, чем от поцелуя стало, хотя откуда тому теплу взяться-то, зверь-чудовище ведь передо мной. Ну да не время думать о том, и приподнявшись на носочках, молвила шелестом листвы на деревьях:

«Ты мне по ту сторону реки нужен, аспидушка. Коли невоготу станет, я клюку отпущу и леший меня тут же услышать сможет, а вот сумеет ли вытащить уже вопрос, а вот ты сможешь, браслет мой обручальный на тебе. Ты иди с лешинькой, не упорствуй, так нужно, а за телом моим Водя приглядит, он от того и держится поблизости, чтобы уберечь-спасти коли потребуется».

Постоял аспид, на меня невидимую поглядел, да и спросил:

– А что если браслет лешему отдам?

Мгновенно оживился лешинька, головой закивал, его, стоящего позади, аспид не видел – он все меня разглядеть пытался, а я... что я скажу? Отдать, то может и верно было бы, и друг мой с этим согласен, вот только...

«У тебя, аспид, опыта больше, – сказала задумчиво, – и на тебя надежда моя последняя».

Накрыл мою ладонь призрачную своей рукой Аедан, в глазах словно мир рушится, но кивнул, реальность принимая, кивнул, отступил и исчез он в круге алхимическом.

И как только остались мы с лешим одни, произнес друг верный:

– Хороший был шанс от аспида избавиться, очень хороший. От чего не воспользовалась?

Подошла к нему, клюку передала – леший тут же сжал рукоять деревянную, а я, пользуясь тем, что теперь говорить с ним могу напрямую, все ему и высказала, все что на душе творилось, все что чувствовала. Вот прямо так, как есть все и сказала:

«Не знаю я».

«А я так и понял», – усмехнулся лешенька.

Я клюку забрала, вздохнула, да и пошла волшебство творить, а то за разговорами глядишь и рассвет настанет, потом хлопот не оберешься.

– Поторопись, тревожно мне, – сказал леший напоследок.

И мне вот тоже тревожно было, если честно, но я пошла навстречу неприятностям, ждут же, значит нужно идти.

Через изгородь живую Яриной созданную, перемахнула как птица певчая, из тех, что в листве завсегда неприметны, покудова не запоют. Я не пела. Скрыв от взгляда что звериного, что мертвого клюку свою, я к нежити спокойно подошла. Бесновалась нежить, тут правду аспид сказал, как кровь почуяли, особливо магическую, так покой и потеряли. Некоторые грызли деревья, старательно Яриной взращиваемые, кто-то прыгать да по деревьям вверх ползти пытался – но остры были шипы терновые, хлестки удары – чаща Заповедная оборону держала уверенно. И ко мне на клюку слетел белый цветок – Ярина знала где я, чувствовала меня, да ждала приказов.

Я же неторопливо прошла через нежити ревуший неровный строй, подмечая упавших и уже упокоенных. Совет Агнехран хороший дал, и заклинание правильное – обрели покой те, кто желал этого, те, кто в Гиблом яру ходаками стали, те, кто мести и крови не вожделел, и искусственно создан не был. Те, кто скверной был заражен, кто против воли навечно в яру некогда светлом остался... таких было много. Среди них твари – некогда бывшие магами и основой армии мертвых ведуний являющиеся, а сейчас... метались три ведуньи меж лежащих на истоптанной земле магов, что прежние черты лиц своих возвращали, и из тварей вновь становились людьми. Только по изорванным мантиям, да лицам не искореженным и понять можно

было, что маги эти. Их сурьма да мазь защитная оберегала, вот от того и возвращали они облик свой прежний, а простые солдаты нет. Лежали и они, бывшие воины обретшие покой, но искалечены были их лица, изорваны тела, раздроблены кости... А мне слова Агнехрана вспомнились: «Гиблый яр это, место известное, да столь же гиблое. Бывал пару раз, часть ходоков в лесу том – от моих отрядов остатки». Вот их я сейчас и видела – остатки отрядов магических, да охранников их, солдат простых.

«Ярина, – позвала тихо, – подними со земли сырой, отнеси к западной границе леса, да не погребай, там оставь».

«Земле полезнее будет» – не согласилась чаща моя вторая.

«Их есть кому оплакать, – не согласилась я с ней. – Исполни, что велено».

И тихо побрела дальше, не глядя на тех неживых, что рычали и ярились, бросаясь на ограду, за которой чуяли кровь мою, но касаясь клюкой каждого из тех, что обрел покой. Их оказалось больше. Намного больше, тех, кто был злобой отравлен. Говоря откровенно, ведуньи четыре пятых армии своей утратили, и теперь бесились, как могут беситься от ярости только ведуньи. А я искренне поразились силе, которой обладают маги – заклинание, пусть и переведенное на язык простой, язык черни, оказалось невероятно действенным. Очень действенным. Действенным до такой степени, что страшно становилось где-то там, в глубине сердца – опасны маги. Это ж если я, ведунья лесная, используя одно заклинание результата такого добилась, на что ж тогда способным маги? А архимаги? Думать о том не хотелось, но я шла, каждого упокоенного касаясь, и все равно невольно думала.

Проще ведь было о таком думать, чем о тех, кого лес сейчас по воле моей поглощал. А я хоронила их, невольно воспоминания лоя... Вот женщина, вдова, что за дровами в лес отправилась, а дома дети малые ждали и... не дождалась. И замерла я над мертвою, жалость-боль сердце сдавила, и протянула я над ней руку правую, клюку все так же левой держала, да и увидела, то, что лишь ведьма увидеть может – как дольше всех ждала мать дочка старшая. Как растила сестер и братьев, не доедая, не досыпая, как трудилась от зари до зари, как всем жизнь устроила, и в отчем доме осталась одна-одинешенька, ради других жившая, свою молодость, красоту, силу родным

подарившая. И вроде призраком стою бестелесным, и вроде ведунья я, а скатились по щекам слезы горькие... и от ладони моей, от каждого из пальцев заструилась сила, не приметным цветком-ромашкой оборачиваясь, да понесся тот цветок через яр Гиблый, скверны избегая, степь перелетая. И деревеньку полупустую заброшенную пролетел, в дом, кособокий от времени влетел, да на грудь женщины спящей упал. И спала она женщиной в годах, а проснулась девой юною с криком

«Мама!». Прости, девочка, мать я тебе не верну, а вот молодость и красоту ведьме, что свою весну утратила, вернуть хорошему человеку не сложно. Так что будет у тебя все – и муж добрый-ласковый, и дети счастливые да здоровые, и радость, что на двоих с любимым поделишь. «Цветок береги этот, доченька, да ступай в Выборг-град, не оглядываясь, там судьбу свою найдешь». И улыбнулась нежить у ног моих, да и рассыпалась не прахом зловонным, а травой-муравой зеленой, как луга по весне, видать от дела доброго просыпаться он начал, яр, что некогда звался Светлым.

Улыбнулась грустно я, последнюю дань перешедшей за грань отдавая, да к следующему упокоенному умертвию шагнула. Этот бандитом-разбойником при жизни был, душегубством брезговал, но калечил да глумился нередко, вот только от чего покой искал? Я на беснующуюся нежить посмотрела – там, среди них, воров да грабителей полно было, и покоя они не жаждали – крови он хотели, а этот от чего-то не хотел. Странно то, непонятно. На колени опустилась, ко лбу его ладонью призрачной прикоснулась да и застыла,

потрясенная. Не был он ни грабителем, ни разбойником! Он стражем был. Да в банду разбойничью, что собиралась на дело желая «куш великий сорвать» затесался, стараясь своим казаться. И с

«сотоварищами» вместе в Гиблый яр и двинулся, а вот заради чего не знал, не ведал. И что еще странно – ни семьи его, не прошлого я не увидела, лишь кабинет темный, свечи, что света не давали, да им же сказанное «Понял, все понял, лорд Агнехран». Так выходит и это архимага моего человек?

«Ярина, и его к магам перенеси», – попросила я.
Чаща не упорствовала.

Зато упорствовать решились ведуньи!

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://elenazvezdnaya.ru/subscription/lesnaya-vedunya-3-podpiska.html>